

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №3, 3/03/2011 – www.afficha.info

Екатерина Богопольская 13/02/ 2010

Изабель Юппер играет Бланш Дюбуа

В спектакле Одеона по легендарной пьесе американского драматурга Т.Уильямса «Трамвай желание» сошлись культовый польский режиссер нового поколения, Кшиштоф Варликовский, культовая французская актриса театра и кино Изабель Юппер и новомодный драматург, ливанец из Квебека, Важди Муавад. Смесь, как и следовало ожидать, получилась взрывоопасная.

Действие начинается с пролога - на табуретке за стеклянной перегородкой в течение 10 минут судорожно корчится, изворачивается в судороге, нервно сдирая обмотанные лейкопластырем ногти, Бланш Дюбуа-Изабель Юппер. А девушка в белом халатике, у которой она спрашивает дорогу от Елисейских полей на трамвае «желание», странно напоминает медсестру лечебницы для умалишенных. То есть все остальное разматывается, как последняя лента воспоминаний о событиях, которые в конце опять приведут нас сюда, в психушку. Спектакль зарифмован сумасшествием Бланш, которое с самого начала помещает ее вне пределов реальности. Она как красивая птица, ненадолго залетевшая в этот мир, и опалившая здесь свои воздушные хрупкие крылья.

Варликовский вместе с автором нового перевода, Муавадом, сочиняет длинный парафраз на тему «Трамвая желания», в который включает множество иных текстов, и ассоциаций, в том числе, безусловно, и наше воспоминание о легендарном фильме с Марленом Брандо и Вивьен Ли.

Действие происходит под неоновым светом посреди огромного зала кегельбана - игры, которую как известно, предпочитал Стэнли Ковальский. Примерно посредине сцена перерезана застекленной коробкой-помостом (любимая установка постоянного сценографа Варликовского, М. Чесняк), внутри которой помещается стерильно белая ванна, туалет и огромный экран. Экран по большей части фиксирует крупным планом лицо Бланш как состояние души. Слева у авансены ютится кровать, справа - стол со стульями. В этом холодном, безысходно мертвящем пространстве и будет разыгрываться трагедия Бланш-Юппер.

Наперекор фильму Элиа Казана, никакой психологической тонкости переживаний. Бланш Юппер в немислимых туалетах и белом платиновом парике врывается в этот самодостаточный мирок, где живет ее сестра, как божий клоун, ярко, значительно, преувеличенно зримо. Иногда переигрывает. Но с каким блеском.

Внутренний надрыв Бланш здесь выдержан не через переживание, а через эстетический вызов грубой заземленности и прагматизму Ковальского и его дружков из Нового Орлеана.

Photo D.R.

Французские критики в один голос недоумевали- отчего Бланш Юппер не перестает щеголять туалетами от Сен Лорана и Диора. Но это, в сущности, тоже часть вызова, который ее героиня бросает миру, прячась за дивную эту мишуру от реальности.

Изабель Юппер играет самозабвенно, выплескивая на нас целую палитру состояний. Вечно ускользающая, трудно определяемая, озорная и грубо чувственная, хрупкая и вульгарная, утонченная и шокирующая, жалкая и патетичная в своем упорном нежелании видеть реальность, вплоть до последних сцен, когда она превращается в своего рода сакральную жертву. А на экранах появятся лики богородицы.

Как в Бланш-Юппер, в спектакле Варликовского есть некая чрезмерность. Чрезмерность смыслов- (в текст включены отрывки из уальдовской "Саломеи", платоновского «Пира», «Освобожденного Иерусалима» Т.Тассо и многое другое), чрезмерность эстетических ассоциаций, доходящая до кича, как в случае с иконами богородицы, чрезмерность с включением видео-live, чрезмерность музыкальных заставок с певицей Ренатой Джатт, которая на время уводит от нью-орлеанских блюзов к мелодиям более близкого времени, вроде Аманды Лир или группы Pulp. Кажется, режиссер разлагает сценический текст, чтобы в какой-то момент из хаоса образов выкристаллизовался новый завораживающий театральный язык.

Конечно, Варликовский как всегда держит дистанцию от персонажа. Но когда Изабель Юппер в последней сцене перед тем, как навсегда исчезнуть из этой жизни, с трогательным упоением подбирает аксессуары для костюмчика, а потом просто уходит, а все остальное, вся сцена с врачом и санитарями подана лишь намеком, сердце неизменно сжимается.

Photo D.R.

Бланш - Изабель Юппер, Митч - Ян Колетт

Анджей Чира, актер-фетиш театра Варликовского и не менее известный киноактер, сравнений с Брандо кажется не боится. Не опасается, высшее святотатство, облечься в точно такую же футболку, какую когда то носил Стэнли - Брандо. Есть у этого Ковальского свой шарм, своя притягательность, и животная сила самца, которая втягивает в свой круг не только Стеллу, но и незаметно для нее самой - Бланш. Любовная сцена после примирения Ковальского и Стеллы выстроена здесь как ритуальный акт - Стэнли с нежностью татуирует обнаженное тело жены, и когда он заканчивает, становится понятно- нет в мире силы, способно этих двоих разнять, развести. И уж тем более не воспоминаниям Бланш о чудном изысканном мире красоты и культуры, в котором жили поколения их предков. Прошрое- это всегда смерть, Танатос, а Эрос в какие бы формы он не облакался, -это жизнь.

Наследники Т.Уильямса посчитали, что фантазия Муавада слишком далеко отводит текст от оригинала, и поэтому запретили использовать полное название.